

лась весьма специфическими действиями американских войск. Как свидетельствует история, экспедиционные войска США в Сицилийской операции на треть были укомплектованных потомками сицилийских мафиози, а совместные с местной мафией действия обеспечили не только «бескровную сдачу крепостей и массовое дезертирство итальянцев», но и беспрепятственную эвакуацию четырех немецких дивизий через Мессинский пролив в южную Италию. Англо-американским войскам оставалось пройти до Рима не более 100 километров, но они при огромном численном превосходстве и при полной поддержке населения были остановлены на восемь месяцев. По поводу участия американцев в сицилийской операции У.Черчилль не без сарказма отмечает, что «американцы прославились тем, рекламой жвачки на танках, а все их потери составил укушенный местным ослом полковник».

Впрочем, в Италии и сами британцы не очень утруждали себя в совместных действиях с союзниками. По оценке английского историка А.Тойнби в 1942 году «вероятность получения сообщения о смерти мужа в бою для жены, была такой же, как получение мужем вести о смерти жены от немецкой бомбы в Лондоне».

Именно поэтому весь период африканской эпопеи группировка немецких войск в составе итало-немецкого африканского корпуса не превышала 3-4 дивизий, при ее общей численности 80 тыс. человек. Весьма характерно то, что 260 тысячная британская группировка при трехкратном превосходстве в сражении у египетской деревни Эль-Аламейн после нескольких месяцев взаимных и бесплодных маневров «наконец-то к середине января 1943 года разгромила истощенный дизентерией итало-немецкий корпус». При этом потери гитлеровских войск с союзниками едва превысили 1%, в то время как в Сталинградской битве - более 16 процентов общего состава вооруженных сил Германии и ее союзников.

На фоне действительно грандиозной битвы, развернувшейся на советско-германском фронте это была «единственная сколько либо заметная операция Великобритании». Более того с мая - июня 1940 года это была единственная успешная операция британских ВС. Между тем, эта локальная по масштабам операция на второстепенном ТВ в мировой историографии сравнивается со Сталинградской битвой.

Следует отметить, что современные историки при «праведном гневе», направленном против «русского варварства и сталинского тоталитаризма», не особенно замечают «дерзко опубликованный» Черчиллем вскоре после войны цитируемый выше «меморандум».

А напрасно. В известной мере он выражает геополитическую закономерность противостояния Европы и России⁴). При полной определенности выбора всеми кульминацией этого противостояния 60 лет назад и была Сталинградская битва. Но при этом следует обратить внимание на тот факт, что после ее окончания следование «форс-мажорным обстоятельствам», стало необходимостью для Великобритании. Эти обстоятельства были неумолимо продиктованы для явных и вероятных противников «выстоявшей и победившей» в этой битве Российской-Советским Союзом.

Что касается судьбы самой Германии, то ее перспективы достаточно четко нарисовал советник президента США Моргентгау в том же 1942 году. Он выдвинул проект «аграризации Германии» на основе «полного лишения ее тяжелой промышленности». Можно понять Моргентгау с его патологической ненавистью к немцам, организовавшим еврейский геноцид. Но самое интересное то, что этим планам на Ялтинской конференции положил конец представитель «русского варварства» И.Сталин, который все же «заставил империалистов бороться с империалистами» их же руками. Вопреки еврейскому лобби с его «разрушительным для Германии проектом Моргентгау» прочие лидеры коалиции были вынуждены согласиться с мнением советского руководства о послевоенном устройстве Германии и Европы.

«Объединенной Европы» исключительно в антироссийских целях уже не получилось. В марте 1943 года сразу после катастрофы на Волге Муусолини заявил Гитлеру «о необходимости закрыть русский вопрос для Италии». После этого никаких активных действий на советско-германском фронте Италия не предпринимала. Похожие мнения существовали в военно-политических кругах Румынии и Венгрии. В политических кругах Финляндии, впервые именно в 1943 году появились «сомнения в собственной и германской силе». В правильности финской политики, направленной в союзе с Германией на осуществление «геополитического проекта создания Великой Финляндии простирающейся от Бискайского залива до хребтов Урала, от Печенги до вольного города «Санкт-Петербурга» (под финским управлением) начали сомневаться наиболее здравые финские государственные деятели⁵).

Как советское командование, так и гитлеровское военно-политическое руководство понимало значение «Сталинградской битвы» для войны в целом. Более того, практически все в 1943 году начали сознавать признаки геополитического отката на «стратегические границы Европы-России».

Следует отметить, что реалистические оценки ситуации впер-

вые прозвучали на совместном совещании гауляйтеров и военного руководства Рейха в Польше уже в 1943 году из уст генерала Йодля, который отметил «слабые перспективы ведения войны с СССР в условиях его возрастающих сил и убывающих ресурсов Германии».

Действительно, усилиями СССР маятник войны качнулся и неумолимо направил движение «не туда, куда следовало», к геополитическим границам, установленным историей, более того «в логово смертельного врага России».

Значение Сталинградской битвы не только для России, но и всего мира, выходящее за рамки привычного понимания ее профессионалами заключается в том, что коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны был теперь только делом времени и решимости русского народа переломить хребет немецкому фашизму даже в отсутствии дееспособных союзников, при условии многочисленных потерь и вопреки «помыслам» У.Черчилля и планам Моргентгау.

Именно поэтому сегодня коекому выгодно сравнение локальной операции у египетской деревни с величайшей битвой второй мировой войны, имевшей более высокий смысл, чем это представляется военным историкам.

Заключение

Нет сомнения в том, что думающий читатель усмотрел в этом тексте не только попытку сконструировать солабательную альтернативу «отчаянному положению русских» и «критическому положению немцев» в 1942 году, но и определенного рода аналогии современному геополитическому состоянию Российской Федерации.

Нет сомнения в том, что сегодня мы имеем дело с вопиющим нарушением закона о сохранении геополитически стабильных и безопасных географических границ между Россией и Европой. В известной степени имеется в виду географическая линия примерно соответствующая западной границе СССР 1939-1940 гг., споры о которой продолжались не одно столетие и в разное время завершались покупкой «современной Прибалтики за два миллиона ефимков у шведов» и дипломатическими соглашениями, в том числе под угрозой или применением силы.

Проблемы войны и мира в Европе не могут быть решены без восстановления геополитически безопасной стратегической границы. Тем более не следует рассчитывать на стабильность отношений между «объединенной Европой» и Россией до тех пор, пока политические и территориальные претензии НАТО и Запада будут распространяться на Карелию и русскую Прибалтику, на русские земли в составе Украины, при очевидном игнорировании интересов

России новоявленными и по большей части нелегитимными государственными образованиями. Но следует отметить, что никакие дипломатические маневры и паромные переправы, как и «рытье туннеля из Белоруссии в Пруссию» не решат проблемы «Калининграда-Кенигсберга», ставшего камнем преткновения для «российской политики», и который, несомненно, станет таковым для Польши, Германии и Литвы в недалеком будущем.

Невероятно, но остается фактом - сужение русского геополитического пространства на Западе до состояния времен первых «Петровских походов» и даже «хуже того» состоялось. С помощью русской на 90 процентов Украины НАТО готовится выйти на стратегический рубеж Воронеж, Харьков Мелитополь отнюдь не для того, чтобы занимать «миротворческие позиции».

Стратегически проблема выбора заключается в воплощении геополитически опасные идеи нейтрализации «русского варварства» на возможно более дальних восточных рубежах, соответствующих позициям групп армий «Юг» на 17 июля 1942 года, или - в восстановлении границ «большой России».

В случае вступления Украины в НАТО осуществление прямого контроля над сердцем России будет реальной действительностью, а нанесение согласованных воздушно-космических ударов «союзнической силой» по Москве из района Смоленска и группировкой сухопутных войск в обход с юго-востока не составит никакого труда.

Может ли это потерпеть русский народ, разделенный искусственными, но сегодня не подлежащими пересмотру «административными границами 1991 года» никак не учитывающими геополитическую закономерность к стремлению народов сохранить линию хотя бы относительной стабильности мира?

Вопреки мирным намерениям НАТО принять всех ныне жаждущих вступления и крыши альянса вопрос о границах представляется не более странным, чем конструктивное рассмотрение проблемы существования русских как единой нации или объединенной Европы.

Если продвижение НАТО за пределы безопасных геополитических границ все же станет реальностью осенью этого года, то в рамках неизбежного геополитического отката на старые границы новая «Сталинградская битва» тоже будет реальностью. Это неизбежно как противодействие «демократическому мракобесию» последнего десятилетия XX века, временно поразившему «большую Россию-Советский Союз».

Тогда, как и в годы войны, придется вспомнить о стимулировании производительного труда в интересах общества. Быть может путем предоставления жесткого